

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФОРМЕ «КРУГЛОГО СТОЛА» ЖУРНАЛОВ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО» И «ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА» НА ТЕМУ «ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И УСТРАНЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ С ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ»

© 2021 г. А. В. Малько^{1,*}, Н. В. Кроткова^{2,**},
Д. А. Липинский^{3,***}, А. А. Мусаткина^{3,****}

¹ Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Саратов

² Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

³ Тольяттинский государственный университет

* E-mail: alex25-58@mail.ru

** E-mail: krotkova2012@yandex.ru

*** E-mail: Dmitri8@yandex.ru

**** E-mail: alamus13@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.03.2021 г.

Аннотация. 17 марта 2021 г. в Поволжском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) прошла научно-практическая конференция в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура». На конференции с основными докладами выступили члены грантового коллектива, третий год выполняющие проект, поддержанный РФФИ, на тему «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы». Методологический и методический поиск научного исследования предполагал в течение первого и второго года выявление нормативных и правореализационных аспектов взаимосвязей, взаимодействия и устранения противоречий юридической ответственности с системой права; государственными органами; правоотношениями и реализацией права. На протяжении третьего года участники проекта акцентировали свое внимание на взаимодействии и соотношении правосознания и правовой культуры с юридической ответственностью. Ключевые проблемы, на которых (в том или ином аспекте) остановились все участники проекта, заключаются, во-первых, в наличии существенных противоречий между доктринальным правосознанием и правосознанием правотворческих органов, объективируемом в нормативных правовых актах; во-вторых, в дистанцировании населения от государственной власти, что обусловлено, в свою очередь, такими причинами, как наличие излишних требований и обязанностей с их детализацией, бюрократизмом, тотальной регламентацией общественных отношений, закреплении в отдельных правовых нормах чуждых общей и правовой культуре российского общества идеалов, а также формализмом в обеспечении прав и свобод человека; в-третьих, ответной реакции граждан в виде правового нигилизма на правовую культуру и правосознание должностных лиц.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правовая культура, правовой нигилизм, правосознание, позитивная юридическая ответственность, правовой идеализм, деформация правосознания, государственные служащие, обыденное правосознание, профессиональное правосознание.

Цитирование: Малько А.В., Кроткова Н.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Обзор Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура» на тему «Проблемы взаимосвязей, взаимодействия и устранения противоречий правовой культуры и правосознания с юридической ответственностью» // Государство и право. 2021. № 5. С. 159–171.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00103А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

DOI: 10.31857/S102694520014851-7

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE IN THE FORM OF THE “ROUND TABLE” OF JOURNALS “STATE AND LAW” AND “LEGAL CULTURE” ON THE TOPIC “PROBLEMS OF INTERCONNECTION AND INTERACTION OF INTERACTION”

© 2021 A. V. Mal'ko^{1, *}, N. V. Krotkova^{2, **},
D. A. Lipinsky^{3, ***}, A. A. Musatkina^{3, ****}

¹*Volga Institute (the brunch) of the All-Russian state University of justice
(Russian law Academy of the Ministry of justice of Russia), Saratov*

²*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

³*Togliatti state university*

* E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

***E-mail: Dmitri8@yandex.ru

****E-mail: alamus13@yandex.ru

Received 22.03.2021

Abstract. 17 March 2021, a scientific-practical conference in the form of a round table of the magazines “State and Law” and “Legal culture” was held at the Volga Institute (branch) of the All-Russian state University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). At the conference, the main reports were made by members of the grant team, who have been carrying out a project supported by the RFBR for the third year on the topic: “Legal responsibility in the legal system of Russia: the concept of interaction, interrelationships and elimination of contradictions with other elements of the legal system”. The methodological and methodological search for scientific research assumed, during the first and second years, the identification of the regulatory and legal implementation aspects of the relationship, interaction and elimination of contradictions between legal responsibility and the legal system; government agencies; legal relations and implementation of the law. During the third year, the project participants focused their attention on the interaction and correlation of legal awareness and legal culture with legal responsibility. The key problems on which, in one aspect or another, all the project participants focused on, are, firstly, in the presence of significant contradictions between the doctrinal legal consciousness and the legal consciousness of law-making bodies, objectified in regulatory legal acts; secondly, in the distancing of the population from the state power, due, in turn, to such reasons as the presence of unnecessary requirements and responsibilities with their detailing, bureaucracy, total regulation of public relations, the consolidation of ideals alien to the general and legal culture of Russian society in certain legal norms, as well as formalism in ensuring human rights and freedoms; third, the response of citizens in the form of legal nihilism to the legal culture and legal consciousness of officials.

Key words: legal responsibility, legal culture, legal nihilism, legal consciousness, positive legal responsibility, legal idealism, deformation of legal consciousness, civil servants, ordinary legal consciousness, professional legal consciousness.

For citation: Mal'ko, A.V., Krotkova, N.V., Lipinsky, D.A., Musatkina, A.A. (2021). Review of the All-Russian scientific and practical conference in the form of the “Round Table” of journals “State and Law” and “Legal culture” on the topic “Problems of interconnection and interaction of interaction” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5. pp. 159–171.

The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 19-011-00103 A “Legal responsibility in the legal system of Russia: the concept of interaction, interrelationships and elimination of contradictions with other elements of the legal system”.

17 марта 2021 г. в Поволжском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове состоялась научно-практическая конференция

в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура» на тему «Проблемы взаимосвязей, взаимодействия и устранения противоречий правовой культуры и правосознания»

с юридической ответственностью». В конференции приняли участие ученые из Москвы, Саратова, Тольятти, Нижнего Новгорода, Иркутска и Самары.

Ведущим конференции выступил **профессор Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саратове, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько**. В своем выступлении он указал на наличие *сложных прямых и обратных взаимосвязей юридической ответственности и правосознания*. С одной стороны, юридическая ответственность закрепляет и охраняет социальные ценности, но, с другой — они не возникают из вакуума, а должны быть обусловлены общей и правовой культурой, ходом общественного развития и самое главное — верно отражаться в правосознании правотворческих органов всех уровней, находить точное воплощение в различных нормативных правовых актах, на основе которых строится вся правоприменительная деятельность. Нормы юридической ответственности, не обусловленные общественными отношениями, обречены быть «мертвыми» или не восприниматься большинством граждан.

Иной аспект взаимосвязи правосознания и юридической ответственности находится в признании наличия правового, а не морального, или исключительно психологического, содержания ее позитивной составляющей. Позитивная юридическая ответственность во многом основывается на правосознании. Причем в современных исследованиях наблюдается отход от традиционного ее понимания в связи с исполнением обязанностей или соблюдением запретов. Позитивная ответственность выражается и в использовании предоставленных правомочий, дозволений, а также в ориентации на действия, связанные с законными интересами. Данные правовые средства должны приводить к социально активному правомерному поведению, основанному на глубоком уважении к закону. Именно такая постановка вопроса согласуется с концепцией построения правового государства и формирования гражданского общества. Однако удельный вес общественных отношений, содержанием которых выступает социально активное правомерное взаимодействие субъектов, продолжает оставаться незначительным в общем массиве функционирующих общественных отношений. Кроме того, за внешней формой социальной активности могут скрываться и цели злоупотребления правом, что подчеркивает неоднозначность взаимосвязей позитивной ответственности и правосознания. Использование предоставленных субъективных прав не в соответствии с их целевым предназначением в настоящее время угрожает общественному развитию не в меньшей мере, чем правонарушения, находящиеся на поверхности всего айсберга девиантного (отклоняющегося)

поведения. В связи с чем представляется, что теоретические сопоставления, выстраиваемые по принципу: правомерное поведение — позитивная ответственность; позитивная ответственность — высокий уровень правосознания; негативная ответственность — следствие правового нигилизма; правонарушение — негативная ответственность и др., — не в полной мере отражают реалии современной правовой жизни. Существуют и переходные формы, что, в свою очередь, подчеркивает наличие таких юридических пар, как позитивная ответственность и негативная ответственность, которые находятся в состоянии сложного единства, взаимосвязей и противоречий. Можно и нужно ставить вопрос о том, что позитивная ответственность есть проявление правовой культуры, а негативная — антикультуры личности, но ответ на него не должен носить однозначный характер, что обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, существуют переходные формы, обусловленные диалектической логикой и философским законом единства и борьбы противоположностей. Во-вторых, формальное правомерное поведение, не основанное на глубоком восприятии истинных ценностей права и справедливости, может характеризовать не правовую культуру, а антикультуру личности. В-третьих, злоупотребление правом, как правило, «маскируется» под правомерное поведение и вызывает трудности в его квалификации.

Профессор департамента магистратуры Тольяттинского государственного университета, д-р юрид. наук Д.А. Липинский начал свой доклад с обращения внимания на *несколько базовых составляющих, влияющих на восприятие ценностей юридической ответственности в обывденном правосознании*. Во-первых, отражение в нормах юридической ответственности истинных общественных ценностей, обусловленных историческими традициями и менталитетом российского общества, способствует повышению правосознания граждан. Соответственно, навязывание чужеродной западной правовой культуры в конечном счете приводит к массовому их не восприятию большинством населения страны и деформации позитивной юридической ответственности. Во-вторых, низкая правовая культура может быть обусловлена и невысоким качеством законов и иных нормативных правовых актов, дублирующих друг друга, вводящих все новые и новые ограничения, которые предельно детализированы и трудно выполнимы. В таких случаях правовая культура правоприменителей и обычных граждан напрямую зависит от правовой культуры законодательных и иных правотворческих органов. В-третьих, в сфере административной ответственности в значительном количестве предусматривающих ее норм стал использоваться их бланкетный способ изложения, когда часть

правовой нормы формулируется в подзаконном акте, подверженном наиболее частым изменениям и дополнениям, в результате чего граждане не успевают их осознать. В-четвертых, происходит «размывание» юридической ответственности органов государственной власти в результате их постоянного реформирования, объединения, разъединения, перераспределения полномочий, вследствие чего утрачивается персональная составляющая юридической ответственности и ее определенность. В-пятых, высказанные тезисы подчеркивают прежде всего недостаточно высокий уровень правосознания и правовой культуры органов государственной власти и их должностных лиц и, как следствие — детерминирование аналогичного правосознания граждан. В результате получается замкнутый круг и внутреннее отторжение обществом государственной власти, дистанцирование от нее. В-шестых, деформации правосознания способствует низкий уровень правового воспитания, в т.ч. подрастающего поколения.

Далее проф. Д.А. Липинский подробно остановился на каждом из высказанных тезисов. Так, общественное обыденное правосознание обладает глубокими историческими корнями и традициями, а отсутствие его учета в процессе законодательной и правоприменительной деятельности, по сути, приводит к конфликту между государством и гражданами. Существующий уровень доверия к органам государственной власти обусловлен и тем, что декларируемые цели общественного развития фактически не достигаются. Так, работа законодательного «принтера», постоянное реформирование органов исполнительной власти, подзаконное нормотворчество не привели к ожидаемым результатам: технологическому прорыву; созданию инновационной экономики; существенному повышению качества жизни населения — реальному, а не в результате «игры» с методиками подсчета увеличения средней продолжительности жизни; естественному приросту, а не убыли населения России; увеличению численности среднего класса; развитию малого и среднего предпринимательства¹. Обычные граждане оценивают деятельность государства (законодательную, исполнительную, контрольную) именно на основе данных показателей. Отсутствие их достижения порождает скепсис и отторжение государственной власти в правосознании граждан. Происходящее «размывание» ответственности государственных служащих также не способствует повышению уровня доверия к власти. Так, команда чиновников, провалившая один государственный проект, на который были потрачены миллиарды бюджетных денег, не исчезает с политической

арены, а переназначается на иные ответственные должности.

Нельзя не остановиться и на проблеме низкого качества законов, их подмены подзаконными актами, игнорировании доктринальных положений, основанных на глубоком научном правосознании. Так, одно из положений принципа законности о том, что юридическая ответственность должна устанавливаться в законе, а не в подзаконном акте, давно превратилось в фикцию. Анализ иных доктринальных положений в свете их отражения в действующем законодательстве, а также практики его применения позволяет утверждать о наличии существенных противоречий между доктринальным правосознанием и профессиональным.

В аспекте реализации негативной составляющей самым массовым видом ответственности стала административная. Однако бессистемное внесение в Кодекс об административных правонарушениях РФ новых норм и видов наказаний, чрезмерная увлеченность законодателем штрафными санкциями давно сделали его средством пополнения бюджета. Между тем КоАП РФ ставит совсем иные цели для административных наказаний. В связи с чем возникает вопрос: отражаются ли эти цели в правосознании законодателя? Анализ системы административных санкций, а также происходящие процессы нивелирования различий административной и уголовной ответственности позволяют ответить на него отрицательно. В результате чего можно прийти к выводу о деформации правосознания не только граждан, но и законодателей. Кроме того, большинство норм об административной ответственности характеризуется бланкетным способом изложения. Вполне понятно, что без его использования текст нормативного правового акта станет громоздким и сложным для восприятия. Однако формальные основания административной ответственности за многие правонарушения устанавливаются в подзаконных нормативных правовых актах. Проблема не стояла бы так остро, если бы они были высокого качества и не подвергались частым изменениям, которые не могут одновременно усваиваться в правосознании граждан. Всем хорошо известна презумпция знания закона, берущая свои корни из римского права (*ignorantia iuris non excusat*). Докладчик обратил внимание на то, что в Конституции РСФСР 1978 г. было установлено, что «незнание официально опубликованного закона не освобождает от ответственности за его несоблюдение» (ст. 67.4). Конституция РФ 1993 г. такой формулировки не содержит. Д.А. Липинский отметил, что как в римском праве, так и в утраченной силе Конституции РСФСР указывается на незнание закона, но не подзаконного акта. Кроме того, если обратиться к древнему праву, то регулирование осуществлялось весьма незначительным

¹ Выводы сделаны на основе официальных данных, размещенных на сайте Росстата.

количеством нормативных правовых актов. Ныне, по данным СПС «Консультант+», только в разделе «Законодательство» содержится 1 801 694 документа. Даже идеально налаженное правовое просвещение в стране не решит проблему знания законодательства. Более того, реформы высшего и среднего образования свели его к минимуму.

Согласно требованиям ФГОС среднего общего образования учебный предмет «Право» (базовый и углубленный уровень) включен в предметную область «Общественные науки», однако в учебный план школьника включается по усмотрению образовательной организации, т.е. не является обязательным. Анализ практики реализации программ среднего общего образования показывает, что такой выбор школы, как правило, не делают, отдавая предпочтение курсу «Обществознание», ориентируясь на перспективу итоговой аттестации школьников. Между тем в советской средней школе параллельно изучались как правоведение, так и обществознание. Исключение предмета «Право» не способствует повышению уровня правовой грамотности населения. До сих пор не отменен Указ Президента РФ от 29 ноября 1994 г. № 2131 «Об изучении Конституции Российской Федерации в образовательных учреждениях». Весь вопрос в том, как он исполняется. Так, предмет «Основы конституционного права» не только не стал обязательным, но и, как указывалось ранее, было исключено даже изучение дисциплины «Право». Совсем недавно в одном из интервью глава Министерства науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков заявил о предстоящем очередном изменении ФГОС высшего образования, суть которого сводится к тому, что в образовательных программах, не связанных с информационными технологиями, должны появиться цифровые дисциплины и модули². За новыми трендами забывают о таких базовых составляющих, как воспитание гражданственности, чувства уважения к правам человека, нетерпимости к коррупционному поведению, обязанности платить налоги и сборы и т.д. Очевидно, что их невозможно привить в рамках одного курса «Правоведение», читаемого на направлениях подготовки, не являющихся юридическими. По мнению Д.А. Липинского, если уровень правовой культуры будет постоянно снижаться, то изучение новых дисциплин может привести к обратному эффекту — использованию полученных знаний не для блага общества.

Проректор Самарского национального исследовательского университета им. Акад. С.П. Королева, д-р юрид. наук, проф. В.В. Болгова посвятила свой

доклад *формально-юридическим основам исследования связей юридической ответственности и правосознания*. Распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р утверждена Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.). Программой определено, что в обозначенный временной период приоритетным направлением теоретико-правовых исследований должна быть проблема использования различных социальных регуляторов в формировании правосознания и общественного мнения в контексте поиска инновационной модели развития государственно-правовых институтов. Именно это направление теоретико-правовых исследований «увязывается» с общими целями устойчивого развития России, укрепления ее национальной безопасности и обеспечения научного лидерства страны в определении мировой научной повестки на долгосрочный период.

Вне всякого сомнения, «русло» развития науки вряд ли определяется какими-либо нормативными правовыми или административными актами. Но положения указанной выше Программы можно рассматривать как некий артикулированный публичный запрос на исследование определенного типа системных связей между социальными регуляторами и правосознанием.

Оперируя категориями теории систем, в научном описании нуждаются связи преобразования, вытекающие из свойств систем к изменениям. В рассматриваемой ситуации в приоритете исследование связей преобразования, вектор которых направлен от социального регулятора к собственно правосознанию. Государство как автор запроса на исследования нуждается в выработке конкретных предложений по использованию средств социального регулирования в процессе выработки конкретного типа правосознания. Частным случаем этой проблемы является вопрос о роли и возможностях юридической ответственности в формировании правосознания.

Каковы ориентиры? Каков тип правосознания необходим в современных условиях с точки зрения публичного субъекта? Весьма важными, как полагает докладчик, являются оценка и исследование собственно формально-юридических характеристик правосознания. Подобная направленность исследований позволяет, с одной стороны, четко определить их предмет, а с другой — избежать разного рода околонуточных спекуляций, обусловленных сложностью самой категории.

Исследование действующих правовых актов позволяет выявить некие параметрические характеристики желаемого с точки зрения публичного субъекта типа правосознания, формирование

² См.: Официальный сайт «Российской газеты» // <https://rg.ru/2021/03/06/falkov-v-blizhajshee-vremia-izmeniatsia-standarty-vysshego-obrazovaniia.html> (дата обращения: 15.03.2021).

которого должно производиться под влиянием права в целом и юридической ответственности, в частности.

Во-первых, государство в лице законодателя исходит из того, что правосознание — категория измеримая, характеристика которой может быть дана в процессе определенного типа исследований. Например, в постановлении Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» определяется, что правосознание — разновидность личных и деловых качеств претендента на службу в органах внутренних дел, которые выявляются в процессе обследования. При этом в отношении правосознания проводится определение его уровня. Деформация правосознания или недостаточный его уровень — одно из оснований к отказу в приеме на службу. С учетом того, что психологическое обследование — процедура, фактически применяемая при отборе кандидатов на службу, можно говорить и о том, что существует некий ин-струментарий для «измерения» правосознания.

Во-вторых, тип правосознания рассматривается государством как фактор, влияющий на поведение человека. Так, в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» развитое правосознание определяет правомерное поведение личности. В Определении Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1712-О указано, что правосознание сотрудника полиции определяет его способность надлежащим образом выполнять принятые им на себя обязательства по защите прав и свобод человека и гражданина, соблюдению положений Конституции РФ, обеспечению безопасности, законности и правопорядка.

В-третьих, государство допускает возможность дифференциации правосознания в зависимости от профессиональной или социальной роли личности в обществе и оставляет за собой право предъявлять повышенные требования к правосознанию отдельных граждан. Например, профессиональное правосознание в совокупности с морально-волевыми качествами — требование к сотрудникам полиции (Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 г. № 1712-О).

В-четвертых, правосознание отдельных лиц рассматривается государством как фактор, определяющий доверие к публичному субъекту в целом (Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 г. № 673-О). И наконец, правосознание — объект для воздействия и формирования. Например, ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного

контроля в Российской Федерации» задачей общественного контроля определяется формирование и развитие гражданского правосознания.

Названные характеристики, по мнению В.В. Болговой, можно продуктивно использовать для исследования системных связей правосознания и юридической ответственности, выявляя конкретные правовые средства, элементы института юридической ответственности, необходимые для формирования конкретного типа правосознания. Кроме того, их использование позволит сформировать собственно правовую теорию взаимодействия социальных регуляторов и правосознания.

Профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, д-р юрид. наук, доц. Н.В. Макарейко акцентировал внимание на *влиянии юридической ответственности на трансформацию правосознания*. С его точки зрения, юридическая ответственность играет важную роль в обеспечении правопорядка и безопасности, ее роль в перспективе будет только усиливаться. Такое положение объясняется значительным числом правонарушений различной степени общественной опасности, сбоями в механизме их предупреждения и пресечения, необходимости поиска и применения эффективных средств правоохраны, которые включаются на этапе постпротивоправного реагирования.

Правосознание выступает в качестве важнейшего правового явления. Его уникальность заключается в том, что в нем отражается правовая действительность. В свою очередь, правосознание оказывает активное влияние на формирование и действие правовых явлений. При этом было бы неверным по сути и опасным по содержанию отрицать влияние правовых явлений на правовое сознание, в результате чего происходит его трансформация. Воздействие на данный процесс оказывают самые разнообразные факторы, которые не ограничиваются исключительно сферой права. В него встроены политические, экономические, социокультурные, национальные, этнические, демографические, конфессиональные, психологические и иные факторы. При этом их роль не является *constant*, она может как усиливаться, так и снижаться на конкретном историческом периоде развития, что требует использования исторического подхода при их исследовании. Данные могут носить внутренний характер и зависеть от характеристик субъекта правосознания, а могут быть и внешними, т.е. в минимальной мере зависят от носителя рассматриваемого вида общественного сознания. Очевидно, что при рассмотрении проблемы трансформации правосознания учету должен подлежать максимально возможный объем факторов, принимая во

внимание их потенциал как в краткосрочной, так и отдаленной перспективе.

Признавая наличие самого широкого перечня разнообразных факторов, которые отличаются по своей природе, оказываемом ими влиянии, докладчик отметил значимость правовых явлений в рассматриваемом процессе. Такое положение объясняется общностью их природы, встроенностью в правовую культуру. Именно в правовом сознании происходит отражение права, отдельных его явлений. Среди юридических факторов важную роль играет юридическая ответственность. Будучи важным средством правоохраны, она в значительной степени приводит к трансформации правосознания. Важно учитывать, что изменения происходят в единстве идейно-теоретической и чувственно-эмоциональной составляющих правосознания. Если в первом случае трансформируются идеологические компоненты, то во втором — психологические. Очевидно, что между ними существуют связи, рассматривать их в отдельности можно исключительно при решении частных познавательных задач. Другое дело, что указанные компоненты могут претерпевать неодинаковые изменения, что во многом зависит от носителя правосознания, в отношении которого осуществляется воздействие посредством юридической ответственности. Для ученых-правоведов, юристов-практиков изменения в большей степени связаны с идеологической составляющей правосознания, в то время как для обычного гражданина, который не имеет юридического образования, не вовлечен в юридическую деятельность, в значительной мере будет оказано влияние на психологический компонент.

При этом следует иметь в виду, что такое воздействие носит как положительный, так и отрицательный характер, т.е. речь идет о разновекторном влиянии. Позитивное воздействие приводит к росту уровня правосознания, его развитию, в то время как отрицательное влияние влечет за собой его деформацию, искажения и даже перерождение.

Рассматривая влияние юридической ответственности на правосознание, Н.В. Макарейко обратил внимание на то, что такое воздействие оказывается не только в случае применения юридической ответственности в конкретной правоохранительной ситуации, но и законами, подзаконными нормативными правовыми актами, закрепляющими рассматриваемую разновидность государственного принуждения. Не случайно изменения в базовые кодифицированные законы, регламентирующие публично-правовую ответственность (УК РФ, КоАП РФ), получают широкий общественный резонанс и требуют учета при осуществлении правового воспитания. Особенно очевидно влияние нормативной правовой

составляющей административной ответственности на правосознание в свете реформы законодательства об административных правонарушениях, что объясняется широким применением указанного вида юридической ответственности в российском обществе и выраженной тенденцией на ее усиление, доминирование штрафной (правоохранительной) функции.

Не умаляя роли и значения влияния нормативной составляющей юридической ответственности, следует признать значение ее правоприменительного (правореализационного) воздействия. Для юристов-практиков юридическая ответственность выступает в качестве важного правоохранительного инструмента, который позволяет решать соответствующие задачи. В свою очередь, субъект административной ответственности претерпевает соответствующие правоограничения в результате ее применения, что получает отражение в правосознании. Существует связь между нормативным и правоприменительным компонентами юридической ответственности, что в итоге приводит к их комплексному воздействию. В ряде ситуаций потенциал правового акта, отвечающего требованиям законности и справедливости, регламентирующего юридическую ответственность, безупречного с точки зрения юридической техники, может быть утрачен в случае незаконного и необоснованного применения мер ответственности. Тогда произойдет отрицательная трансформация правосознания, и позитивное влияние нормативной правовой составляющей юридической ответственности будет утрачено. Очевидно, что требуется принимать меры по усилению позитивного и нейтрализации негативного влияния юридической ответственности на правосознание.

Признавая роль юридической ответственности в трансформации правосознания, нельзя сбрасывать со счетов и обратную связь. Правосознание включено в правотворческую деятельность по формированию нормативной правовой базы юридической ответственности. Правовые идеи, взгляды, знания, теории, представления, убеждения, оценки, настроения, чувства, эмоции, переживания и другие компоненты правосознания играют важную роль при отправлении правотворчества и оказывают влияние на качество нормативных правовых актов, которые регламентируют юридическую ответственность, выступают ее нормативной правовой основой. В этой связи выработанные правовой наукой теории должны быть восприняты субъектом правотворчества, а также найти свое выражение в соответствующих нормативных правовых актах. Таким образом, заключил докладчик, между юридической ответственностью и правосознанием существуют сложные диалектические связи, которые требуют учета в ходе

осуществления соответствующих видов юридической деятельности.

Доцент департамента бакалавриата Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук А.А. Мусаткина в своем выступлении акцентировала внимание на *проблемах соотношения признаков позитивной юридической ответственности и правосознания*. Становление концепции позитивной юридической ответственности в 60-х годах прошлого века характеризовалось ее отождествлением с такими категориями, как «чувство долга», «осознание предъявляемых требований», «стремление выполнить возложенную юридическую обязанность». Таким образом, фактически ставился знак равенства между позитивной юридической ответственностью и категориями правосознания. В дальнейших исследованиях позитивная ответственность стала исследоваться во взаимосвязи с юридическими обязанностями, запретами и дозволениями. При этом условно выделялись объективные и субъективные признаки позитивной ответственности. К первым относились указанные выше юридические средства, а также правомерное поведение, вторую группу составляли: осознание предъявляемых требований; выработка к ним психического отношения; волевой контроль за поведением и мотивация самого правомерного поведения. Таким образом, правовой долг, чувство ответственности стали включать в эмоциональный фон, сопутствующий основным психическим процессам³. Между тем такое понимание субъективных признаков позитивной юридической ответственности носит несколько схематичный характер.

Проблема заключается в том, что при любых мотивах и внутреннем отрицательном отношении к праву опредмеченное правомерное поведение считается позитивным (положительным). При этом не принимается во внимание сам факт достижения социально полезного результата. Особо актуализируется данная проблема в связи с деятельностью органов государственной власти и их должностных лиц. Суть в том, что действуют они в рамках предоставленных им полномочий, но социально значимый результат в виде развития экономики страны, повышения уровня благосостояния населения не наступает. Субъективная сторона позитивной ответственности может заключаться в обычном формализме, граничащим со злоупотреблением правом. В этой связи значимость приобретает осознание органами государственной власти целей их деятельности, а также приоритетности прав и свобод человека и гражданина. Оценка позитивной ответственности органов государственной власти

и их должностных лиц должна происходить на основе не формального исполнения требований, а достигнутого результата. При этом необходимо не только осознание самих требований, но и целей. Как известно, цель воплощается в конкретном результате деятельности. Не отказываясь в целом от идеи позитивной юридической ответственности, докладчик считает необходимым указать, что ее определение применительно к органам государственной власти и должностным лицам требует пересмотра и корректировки.

В связи с чем следует согласиться с проф. Д.А. Липинским в том, что формализм и некоторая увлеченность западными ценностями стали характеризовать деятельность органов государственной власти. Между тем она изначально носит конфликтный характер, и закрепление не истинных целей деятельности, отказ от принятых на себя обязательств перед населением России воспроизводят правонарушения. Правонарушение — социальное явление, означающее конфликт конкретного субъекта с ценностями, предусмотренными и охраняемыми правовыми нормами. Безусловно, в значительной части правовых норм предусмотрены общечеловеческие правила общежития, основанные на морали, этике, традициях, но существуют и требования, а также целый вектор развития, чуждый российскому обществу, основанный на западных ценностях и идеалах, эгоизме и эгоцентризме, противоречащий существующему менталитету и общинным ценностям, вытекающим из российского менталитета.

Многие правовые нормы нарушаются массово субъектами, правосознание которых не характеризуется отрицательными мотивами и установками. Начинают возникать вопросы о справедливости таких норм, их соответствии естественному праву. В начале реформ на страницах юридической литературы вновь возник старый спор о понятии права, соотношении в нем позитивного и естественного. К началу нулевых годов произошел своеобразный компромисс, заключающийся в отсутствии необходимости жесткого разграничения естественного и позитивного права, т.к. основные ценности естественного права были закреплены в нормативных правовых актах. В связи с чем стали утверждать о взаимном «проникновении естественного права и позитивного»⁴. Однако реалии правовой жизни показывают наличие значительного разрыва между позитивным правом (в т.ч. и его реализацией) и естественным и, как следствие — внутреннее отторжение гражданами идеалов рыночной экономики и частной собственности ввиду монополизации данных сфер общественной жизни.

³ См. подр.: Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Субъективные признаки позитивной юридической ответственности // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 34. С. 5.

⁴ Байтин М.И. О современном нормативном понимании права // Журнал рос. права. 1999. № 1. С. 98.

А.А. Мусаткина также отметила, что бюрократизм, коррупция и сопутствующие ей явления не позволяют утверждать о высоком уровне правосознания государственных служащих. Правотворческие органы по-прежнему видят в «законодательном станке» панацею в регулировании отношений или используют его для отчета перед избирателями, что позволяет утверждать о деформации правосознания. Принятие законов и программ, которые не работают, вновь стало нормой. В то же время государственный механизм бесперебойно функционирует, реализуя государственное принуждение и юридическую ответственность в отношении обычных граждан.

В связи с тем, что позитивная ответственность государственных служащих стала носить формальный характер, в юридической науке, по мнению докладчика, целесообразно пересмотреть само понятие «субъективная сторона позитивной юридической ответственности», т.к. ныне ее определение не соответствует реальным признакам правосознания и является оторванным от правовой жизни. Кроме того, необходимо провести массовые социологические опросы для выявления уровня правосознания как граждан, так и государственных служащих, на основе которых можно выстраивать теоретическую конструкцию субъективной стороны позитивной юридической ответственности.

Доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, канд. юрид. наук Р.С. Маркунин обратил внимание на важную роль мер ответственности, содержащихся в различных этических кодексах должностных лиц. В последнее время в сфере социального регулирования отношений представителей публичной власти все больше получают распространение этические кодексы. В частности, можно выделить: Кодекс судебной этики (утв. 19.12.2012 г. VIII Всероссийским съездом судей); Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. 19.01.2016 г. Министерством юстиции РФ); Кодекс этики и служебного поведения федерального государственного гражданского служащего органов прокуратуры (утв. приказом Генеральной прокуратуры РФ от 25.03.2011 г. № 79) и т.д. Подобные нормы способствуют повышению общего уровня правосознания и правовой культуры представителей органов публичной власти и обеспечивают выстраивание доверительных отношений с обществом в целом.

Доверие со стороны населения выступает основой всей демократической системы. Одна из многочисленных задач государства — улучшение представления о работе органов власти в глазах граждан и по возможности приближение их к реальности. В связи с чем морально-этический аспект поведения должностных лиц играет ключевую роль

в процессе построения модели демократического государства. Наличие большого количества этических кодексов объясняется необходимостью адаптировать нормы к специфике характера деятельности той или иной организации, поскольку в каждой сфере есть свои особенности, которые должны учитываться в ходе практической реализации. Данные акты не носят нормативно-правового значения, поэтому недопустимо присваивать содержащимся в них мерам ответственности правовое значение. Тем не менее каждый вышеуказанный акт указывает на обязательность выполнения содержащихся в нем правил поведения. В качестве примера возможных мер ответственности за несоблюдение установленных правил можно назвать: придание нарушению публичного характера, замечание, влияние на продвижение по службе, иные негативные последствия для лица в процессе проведения аттестаций или в момент формирования кадрового состава публичного органа и т.д.

Подобные меры в большей степени направлены на формирование у должностных лиц позитивной юридической ответственности и чувства долга при осуществлении ими своих обязанностей и повышение общего уровня правовой культуры представителей органов публичной власти. Это объясняется тем, что при выполнении моральных требований лицо самостоятельно берет на себя ответственность за свои поступки, создавая для себя стимул поступать правильно в глазах окружающих. Подобные идеи самосовершенствования личности оказывают положительный эффект в вопросах предупреждения целого ряда противоправных действий, в частности коррупционной направленности. Не случайно в 2010 г. именно на заседании президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции был принят Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, который заложил основу для создания иных морально-этических актов отдельных органов государственной власти и органов местного самоуправления. Наличие фактов коррупции внутри системы публичных органов власти приводит к возможному нарушению прав и законных интересов граждан, негативным образом сказывается на уровне законности и правопорядка в государстве и дискредитирует работу должностных лиц.

Повышение значимости морально-этического поведения также позволяет обеспечить обоснованное использование дискреционных полномочий, установленных законодательством в процессе правоприменительной деятельности, без опасности их злоупотребления со стороны должностных лиц.

Укрепление позиций позитивной ответственности и высокого уровня правовой культуры среди

должностных лиц выступает одной из первоочередных задач, стоящих перед современной правовой политикой, вырабатываемой государством. Недостаточные показатели правовой культуры среди работников органов публичной власти приводят к негативным результатам в процессе регулирования общественных отношений, что выливается в факты злоупотребления властью, неуважительного отношения к просьбам граждан и т.д. Низкий уровень правовой культуры законодателя прямым образом связан с качеством принимаемых нормативных правовых актов, а отсутствие элементарных морально-этических норм у правоприменителя создает дополнительные барьеры в общении с гражданами, способствует развитию скептического отношения к работе компетентных органов и подрывает авторитет государственной службы в глазах общества, что усиливает нигилистические идеи.

В заключение Р.С. Маркунин отметил, что легитимность системы публичных органов власти во многом определяется показателем соответствия деятельности государственных институтов и должностных лиц ценностям, распространенным в обществе, и идеалам общественной морали. Создание гарантий такого соответствия есть основная задача вышеназванных этических кодексов должностных лиц. Служебное поведение, подвергнутое морально-ценностному регулированию, и соответствующие меры ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения установленных требований создают гарантию повышения эффективности государственного управления и повышают авторитет всего государственного механизма.

Доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук А.Н. Станкин остановился на *проблемах правосознания и правовой культуры*⁵. Проблема становления правового государства во многом связана с правовой культурой как граждан, так и представителей власти. Правовая культура — с общекультурным развитием личности, одновременно она касается различных аспектов жизнедеятельности личности. Высокий уровень правовой культуры и правосознания предполагает осознание, восприятие и отражение права и правовой действительности. Однако, если отражаемый объект не самого лучшего качества, не является выражением справедливости, не понятен для большинства граждан, можно ли их винить в невысоком уровне правосознания? В свою

очередь, право, будучи социально эффективным, если оно отвечает интересам общества, направлено на развитие личности. В этом случае право будет вызывать положительные эмоции. Это, соответственно, будет способствовать развитию правосознания и правовой культуры. Пока же практически любые законодательные новации воспринимаются гражданами крайне неодобрительно. Во многом это следствие отсутствия диалога между гражданами и лицами, облеченными властью.

Н.И. Матузов справедливо суть правовой культуры видел в формуле знать — уважать — соблюдать. В то же время, как утверждают отдельные исследователи, зачастую нарушители закона знают его не хуже, чем те, кто его соблюдает. Таким образом, немаловажно восприятие субъектом права как ценности. Не случайно известный русский философ и правовед И.А. Ильин связывал «нормальное правосознание» не столько со знанием права, сколько с нравственно-духовной стороной человеческой жизни. Еще одной стороной правосознания, по мнению А.Н. Станкина, является количество нормативно-правового материала. Ныне только на федеральном уровне ежегодно принимается 500–600 федеральных законов, в связи с чем неизбежно возникает вопрос: кто из субъектов правоприменения способен физически найти время, ознакомиться и осознать весь этот объем законодательного материала? Если взять в расчет подзаконные нормативно-правовые акты, нормативно-правовые акты субъектов, акты муниципального уровня, то получим гигантский объем информации.

«Регуляторная гильотина» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, конечно же, имеет позитивное значение. До недавнего времени формально действовал огромный массив нормативного материала, который в силу ряда причин устарел. Однако подобная гильотина нужна и в сфере образования и науки, культуры, социального обеспечения, и во многих других сферах. По большому счету речь должна идти о государственной политике в сфере правотворчества.

В 2011 г. Указом Президента РФ были утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Основы направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства. В п. 10 Основ сказано, что недостаточный уровень правовой культуры

⁵ См. подр.: Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кротова Н.В. Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9.

и правосознания, правовой нигилизм граждан России являются серьезной проблемой обеспечения реализации принципов верховенства права.

Как полагает докладчик, отрицательному отношению к праву способствует отсутствие диалога между источником власти и «слугами народа». Законопроекты, касающиеся большинства граждан, в частности, сферы образования, социального обеспечения и т.п., должны проходить общественное обсуждение, а в идеале — выноситься на референдум. В целом же необходима основательная корректировка всего нормативного правового материала с позиций качества и количества, отражения в нем идей справедливости с тем, чтобы «на зеркало не пенять». Этому будет способствовать научно обоснованная государственная политика в сфере правотворчества, к разработке которой имеют непосредственное отношение некоторые участники сегодняшней дискуссии.

Доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук Е.В. Чуклова обратила внимание на *важную роль позитивной ответственности и морально-этических норм в обеспечении надлежащего порядка отправления правосудия*. В отношении судей получила распространение практика применения Кодекса судебной этики, утвержденного 19 декабря 2012 г. VIII Всероссийским съездом судей, в котором сформулированы морально-этические нормы, направленные на формирование у представителей судебной власти позитивной ответственности при осуществлении как профессиональных обязанностей, так и внесудебной деятельности, а также на повышение уровня правовой культуры представителей судебной власти. Вышестоящим судам предписано при рассмотрении дел не оставлять без реагирования ни один факт нарушения закона, процессуального упрощенчества, неэтичного поведения судей и принимать меры к предупреждению подобных нарушений в дальнейшем. Несмотря на придаваемую высокую значимость морально-этического поведения судьи, не всегда в должной мере обеспечивается отсутствие злоупотребления правом, а имеющийся уровень правовой культуры приводит к подрыву авторитета судебной власти.

Низкий уровень правовой культуры приводит к тому, что при рассмотрении дел систематически допускаются нарушения норм процессуального права, которые выражаются в не уведомлении или ненадлежащем уведомлении лиц, участвующих в деле, о дате и времени слушания дела, несвоевременном направлении копий решений лицам, участвующим в деле, создании препятствий гражданам и организациям в доступе к правосудию, отложении судебных заседаний на длительные сроки без имеющихся

на то оснований, в отсутствии контроля за соблюдением аппаратом судьи требований к оформлению материалов судебных дел. В некоторых случаях имеет место конфликт интересов с одной из сторон по делу, однако судья не устраняется, как того требуют Закон о статусе судей и Кодекс судебской этики, от рассмотрения дел. Отдельные судьи неудовлетворительно руководят судебным заседанием, не обеспечивают всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела и не только не реагируют на неэтичное поведение некоторых участников процесса, но иногда и сами неподобающе ведут себя в судебном заседании. Председательствующие необоснованно отклоняют ходатайства участников процесса. Часто встречаются факты вынесения судами недостаточно мотивированных приговоров, решений, определений и постановлений. Зачастую в них отсутствует обоснование квалификации преступления, не приводится юридическая аргументация принятого решения.

Довольно часто в рамках судебного заседания складывается ситуация, когда тот или иной участник процесса так или иначе нарушает порядок судебного заседания. В отличие от судей, в отношении остальных участников процесса морально-этические нормы, направленные на формирование позитивной ответственности, в большинстве случаев отсутствуют. Так, правила поведения в помещении суда ограничиваются указанием на обязанность соблюдать установленный порядок деятельности суда и норм поведения в общественных местах; не допускать проявлений неуважительного отношения к судьям, сотрудникам суда, судебным приставам по обеспечению установленного порядка деятельности суда и другим лицам (посетителям) суда; выполнять законные требования и распоряжения судей, сотрудников суда и судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов, а также декларированием мер ответственности, что представлено в форме следующих формулировок: «за нарушение несет ответственность, предусмотренную законодательством». Например, Правила пребывания посетителей в Московском городском суде в п. 5.2 закрепляют, что воспрепятствование осуществлению правосудия, неуважение к суду, нарушение общественного порядка в зданиях или служебных помещениях суда, а также неисполнение законных распоряжений судей, работников аппарата суда, обеспечивающих установленный порядок в залах судебных заседаний, судебных приставов о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила, и иных противоправных действий влекут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Указанная норма носит бланкетный характер, в связи с чем возникает неясность относительно того, на

основании какого акта и какую ответственность несет субъект. Отсутствие четких правил поведения в судебном заседании, как отметила Е.В. Чуклова, приводит порой к необоснованной дискреции суда в отношении применения санкций за их нарушение, что не способствует повышению авторитета судебной власти.

Доцент кафедры конституционного права Иркутского юридического института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), канд. юрид. наук И.А. Кузьмин обратил внимание участников мероприятия на *проблемы взаимодействия правовой культуры и правосознания с юридической ответственностью*. Юридическая ответственность, институт которой формируется в процессе правотворческой деятельности, находится в имманентной связи с феноменами правовой культуры и правосознания. Теоретическим фундаментом для исследования соответствующих процессов динамики юридической ответственности, правовой культуры и правосознания выступает механизм правового регулирования и стадии его развития. Будучи вспомогательными правовыми средствами, обозначенные явления оказывают принципиальное влияние на содержание каждой из стадий регулирования, изменяя его наполнение и результаты.

В широком смысле правовое регулирование охватывает стадию нормативной регламентации отношений и стадию действия права. При узком подходе стадия правотворчества исключается из правового регулирования, которое представлено четырьмя стадиями действия права, характеризующими переход от объективного права к субъективному: общее действие норм права; возникновение субъективных прав и юридических обязанностей; реализация субъективных прав и юридических обязанностей; стадия применения права. Представляется очевидным, что юридическая ответственность не утрачивает связь с правовой культурой и правосознанием на протяжении всего действия правового механизма, последовательно становясь их результатом и следствием. Так, на этапе создания норм юридической ответственности субъекты законотворчества, опираясь на собственный уровень правовой культуры, через индивидуальное правосознание воплощают идеи об ответственности, закрепляя их в законодательстве и ожидая общественной поддержки. В определенном контексте юридическая ответственность вводится в общественные отношения в качестве средства укрепления правовой культуры и обеспечения устойчивости нормального (адекватного) правосознания — как синергетическая часть механизма правового регулирования. Предполагается, что юридическая ответственность становится индикатором (уровнем) правовой культуры населения, опираясь на который можно делать социально-правовые

прогнозы и выявлять закономерности взаимодействия государства, общества и личности. В свою очередь, это налагает повышенные обязательства на субъектов законотворчества по выявлению тонкой грани между публичными и частными (в т.ч. личными) интересами и опосредующими (охраняющими) их мерами ответственности. В противном случае из средства гармонизации правовой реальности юридическая ответственность может стать причиной дисбаланса в общественных отношениях с вытекающими отсюда негативными социальными последствиями самого широкого масштаба.

В тот момент, когда нормы ответственности вступают в юридическую силу, ее правовой институт распространяет свое общерегулятивное (общепреентивное) действие на неопределенный круг лиц и достигает определенного эффекта, который напрямую зависит от качественной проработки наказаний и их оснований еще в процессе правотворческой деятельности. Начиная с момента совершения противоправного акта, за который законом предусмотрена ответственность, круг субъектов первичного правового воздействия сужается до конкретных правонарушителей, переводящих юридическую ответственность в объективном смысле на режим субъективной юридической ответственности, подлежащей персонификации относительно упомянутых лиц. Здесь также следует ставить вопрос о правовой культуре и правосознании правоприменительных органов — должностных лиц, непосредственно реализующих ответственность. Одновременно важно разобраться в причинах совершения противоправного акта нарушителем, чтобы уточнить субъективную сторону деяния и увидеть истинные предпосылки его поведения через призму произошедших деформаций правосознания, исходя из имеющегося уровня правовой культуры.

Подводя итоги, И.А. Кузьмин заметил, что качественное состояние общетеоретических исследований взаимодействия юридической ответственности, правовой культуры и правосознания оставляет желать лучшего и нуждается в междисциплинарном комплексном подходе с привлечением широкого методологического инструментария гуманитарной науки, что не исключает применения и точного (информационного, математического) инструментария. Он предложил рассматривать юридическую ответственность на нормативном и индивидуальном уровнях правового регулирования с позиции объекта и условия становления правовой культуры, а также результата реализации правосознания уполномоченными органами и их должностными лицами с обязательным учетом общественного мнения.

С краткими докладами, посвященными *различным аспектам взаимосвязей правовой культуры и юридической ответственности*, выступили **аспиранты Тольяттинского государственного университета Ш.Г. Товмасын, Ю.П. Степнова и Л.В. Стародубова**, а также **профессор Санкт-Петербургского экономического университета, д-р юрид. наук А.А. Фомин**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байтин М.И.* О современном нормативном понимании права // Журнал рос. права. 1999. № 1. С. 98.
2. *Липинский Д.А., Мусаткина А.А.* Субъективные признаки позитивной юридической ответственности // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 34. С. 5.
3. *Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В.* Правовая культура, правовая поли-

тика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9.

REFERENCES

1. *Baytin M.I.* On the modern normative understanding of law // Journal of Russian law. 1999. No. 1. P. 92–96 (in Russ.).
2. *Lipinsky D.A., Musatkina A.A.* Subjective signs of positive legal responsibility // Herald of the Tomsk state University. Law. 2019. No. 34. P. 4–12 (in Russ.).
3. *Mal'ko A.V., Gur'ev V.V., Zatonsky V.A., Krotkova N.V.* Legal culture, legal policy and human rights (Review materials of scientific-practical conference) // State and Law. 2021. No. 2. P. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9.

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 410003 Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

КРОТКОВА Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента магистратуры Тольяттинского государственного университета; 445056 г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

МУСАТКИНА Александра Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента бакалавриата Тольяттинского государственного университета; 445056 г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

Authors' information

MAL'KO Aleksander V. – Doctor of Law, Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Professor of the Department of state and legal disciplines of the Volga Institute (branch) of the All-Russian state University of justice (Russian law Academy of the Ministry of justice of Russia); 55 named of Radishchev A.N. str., 410003 Saratov region, Saratov, Russia

KROTKOVA Natalya V. – PhD in Law, leading research fellow, sector of Constitutional Law and constitutional justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

LIPINSKY Dmitry A. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of magistracy, Togliatti state University; 14 Belorusskaya str., 445056 Togliatti, Russia

MUSATKINA Aleksandra A. – PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of magistracy, Togliatti state University; 14 Belorusskaya str., 445056 Togliatti, Russia